

Евгений Галушкин,
г. Казань

**ВЕРХУШКИ СОСЕН
В ЗЕРКАЛО ГЛЯДЯТ**

* * *

А слезы близко так живут,
Без приглашения приходят.
Порой за горло так возьмут
И очень долго не уходят.
То комом в горле иногда
Стоят, дыханье прерывая.
Слезу тогда не без труда
От посторонних глаз скрываю.
А в этот день друзей глаза
Встают передо мной
вдруг строем.
И я смотрю на них в слезах:
За что я жизни удостоен?
Зачем живу, когда их нет?
Что в жизни сделал я большого?
Пред ними я держу ответ
И, как всегда, даю им слово:
Что сколько б ни осталось дней,
Творить добро, дела такие.
Песчинкой буду я в стене,

Что защитит мою Россию.
А слезы -
все же сентимент,
Им ближе к старости
страдают.
Серьезным должен
быть момент,
Коль слез мужчины
не скрывают.
* * *

Были Вы
таинственно печальны,
Глубоко уйдя в саму себя.
Я ж боялся
чем-нибудь случайно
Не спугнуть
мне милое дитя.
Я к своей судьбе поворотился,
Вспомнил мать и дом на берегу.
Как и Вы, я также
вот таинственно
Что-то в сердце с детства берегу.
Это что-то небом называется,
А под ним сибирская земля.
Я гляжу на Вас, и вспоминается
Родина далёкая моя.
* * *

Я брожу по городу бесцельно.
Ко всему на свете безразличен.
Я не знаю, что с собой поделаться?
И рассеян стал до неприличья.
А всему виной твоя поездка,
Мать в деревне надо навестить.
Я ж завидую,
что можно хоть и редко
С мамою живой поговорить.
Мы живём по маминым советам,
Хоть самим пора уж их давать.
Жаль, спустя десятки лет
при этом,
Смысл их мы стали понимать.
Вспомнилось и мне село
с церковью,

стр.1

Мать на косогоре у плетня...
Сколько лет уж машет мне рукою
Словно юность давняя моя.
* * *

Я иду по росе.
Туфли хоть выжимай.
Сердце рвется наружу
от радости.
Всё, что вижу вокруг,
так похоже на рай.
Это даже не надо доказывать.
Ах, Сибирь ты Сибирь!
Ширь лесов и полей!
Где на свете такое найдешь еще?
И хранят этот рай
для меня Енисей
И его комариные полчища.
* * *

Во сне я часто вижу мост,
Едва приметный над водою.
За ним над релками погост
С лежащей там моей роднёю.
Из дней слагаются года.
Нас жизнь по свету разбросала.
К финалу рвемся мы туда,

Где все когда-то начиналось.
Там необъятна неба синь,
В нее уткнулись пики елей.
В пожар жарков, куда ни кинь,
Заимки редкие оделись.
А по-над Каменкой гудит Село.
В нем церковь посередине,
Где сохранились витражи
И фресок дивные картины.
А как прекрасно там зимой.
Столбом дымы уходят в небо.
Не восхитится лишь немой
И тот, кто там ни разу не был.
Таежный край, мое село.
Все, чем живу, отсюда родом.
И сколь воды б не утекло,
Ты будешь жить назло невзгодам.
* * *

И стонет храм,
истерзаный людьми
В угоду идеологам паршивым.
Ну, как же руку вы
поднять смогли,
И совесть вас не жжет,
и чувства живы.

стр.2

А храм прекрасен.
Его мощный стан
Красиво смотрится
и виден отовсюду.
Им восхищался даже сам тиран.
Разрушить тоже он велел.
Иуда. Он это звание
приклеил себе сам,
За то, что храмы рьяно разрушая,
Хоть батька поп,
и сын духовный сан
Хотел иметь, в Тифлисе обучаясь.
Я не о том, как жил глава-тиран,
И что он сделал с верою людскою.
Забутым стонет
красивейший храм,
Могучий храм
с трагической судьбою.
Он хочет к людям,
он им все простит,
Что сам себя сберег,
ведь это чудо.
Над Енисеем в Каменском стоит
И взгляд наш радует
наперекор иуде.
А храм истерзанный
природе не сдаётся,
Кирпич не крошится,
и двери не гниют,
Как будто верит:
вера в храм вернется,
И помолиться люди
в храм придут!

МАМЕ

Воспоминая душу наполняют,
О завтрашнем дне
думать не дают.
Мама, милая, я часто вспоминаю
Домик наш, семейный наш уют.
Как мне с памятью
своею сладить?
Не могу я сердцу приказать.

С днем рождения
хочется поздравить
И письмо куда-то написать.
Написать, что офицером скоро
Станет Женька -
сын любимый твой,
Что покину этот шумный город.
Мама, милая, как хочется домой!
Вышла б ты на берег Енисея
Посмотреть,
не свой ли кто плывет?
Так смотреть
одна лишь ты умеешь.
Я тебя узнал бы далеко.
Встретила б,
немножко пожурила,
Как давно я это не слышал,
О девчонке
с грустью бы спросила,
Я тебе о всем бы рассказал.
Дом наш от дороги
чуть в сторонке.
Ты все плачешь, ну не надо, мам.
Вижу, что понравилась девчонка,
Вижу по заплаканным глазам.
В тещи б ты, наверно, не годилась,
Твой характер для девчонки рай.
О любви ты просто говорила:
«Жить тебе, ты сам и выбирай».
Иногда так хочется совета
У тебя спросить,
мой нежный друг,

стр.3

Не хватает мне на этом свете
Теплоты твоих шершавых рук.
Всего больше ты всегда хотела,
Чтоб я не был в жизни подлецом.
Где б я не бродил по свету белу,
Не забуду я твое лицо
А лицо крестьянское, простое,
Все в полосках
старческих морщин,
Вечно будет для меня живое,
Мама, мамочка, постой, не уходи!

В год, однажды у твоей могилы
Посижу, с тобой поговорю.
Мамочка, старушка моя милая,
Больше жизни я тебя люблю!
* * *

Глазницы окон жалобно и страшно
Сквозь куст черемухи
смотрели, как в укор.
Когда-то с рамами
под белый дым окрашены,
А ныне жалкие, всему селу позор.
Дом пятистенный,
для села солидный,
Стеною был поделен пополам.
И школа тут,
и зал тебе спортивный,
Нечасто жителям
кино по вечерам.
А в палисаднике
всегда цветы цвели,
Их по весне сажала тетя Маня.
Меня сюда когда-то привели.
Жаль, память стерла
этот день с годами.
Давид Семенович,
учитель первый мой.
Меня любил,
за грязь ругал нещадно,
Я не одну чернильницу порой
Исписывал,
а почерк безобразный.

Учитель, как отец мой, воевал.
Они для нас во всем пример являли.
Из-за войны их часто мир не брал,
Но мы итог тех ссор не ощущали.
По-за кустами уж не слышен шепот,
Ни визга девочек,
ни смеха больше нет.
Жизнь на селе
не тяжело ухлопать,
Как возродить потом,
для всех большой секрет?
В пустых глазницах я не вижу слез,
Они в моих глазах и в горле комом.
В «бесперспективные»
деревню кто-то внес.
Коль школы нет,
в селе конец живому.
А рядом храм,
растерзанный же нами
Так, словно в нем
источник наших бед.
Ох, тяжело возвышаться
над врагами,
Когда в отечестве
своём пророков нет.
В защиту варваров
не нахожу я слова,
Благи намеренья,
на финише ж беда.
Село живет, пока есть храм и школа.
Об этом надо помнить, господа!

стр.2

